

Ольга

НАДТОЧИЙ

*

Далила, не глуши вину вином,
оплакивая славного Самсона.
Найди успокоение в ином,
займись хоть украшением газона.

Колечко из его густых волос
храни. Оно не знает фирмы старость.
Предательство блестяще удалось,
пожалуй, так любовь не удавалась.

*

Много жизни, мало литературы:
плач ребёнка, рокот проезжей фуры,
не вздохнуть, не выдохнуть — на бегу
напиши стишок, приготовь рагу.
Обзавидуются враги.
Не могу я так. Ты моги.

Круглосуточное навязывание товаров,
правда улиц, исповедь тротуаров.
Опоздал, проштрафился — без истерик,
больше времени, зато меньше денег.
Чем прикрыться мне, если б не эти вирши?
Утонуть в работе, быту, океане пиршеств?
С каждым годом всё глуше голос, не слышно жалоб.
Зафиксировать это тоже мне не мешало б.

Всё же что-то ещё влечёт и на свете держит,
не замылен взгляд, прозреет и вдруг опешит.
Ветер ворот гнёт заботливо, рад прохожий,
Сам себе удивляясь, тощий, с гусиной кожей,
Нищий духом, твой брат по сути, он — бывший мальчик.
Ты в ответ резонируешь дрожью. И катишь дальше
на потрёпанной Каме. По гальке гарцует велик.
На дворе июль, и, кажется, понедельник.

*

Сны закончились. И теперь надо жить, не сниться.
В расписной проектор воткнули стальную спицу.
Если быть точнее, не спицу, а целых тридцать.
И от этого лёд под кожей.

У тебя опадают листья в саду, в апреле.
С каждым падшим ты внимательнее, добрее.
Поднимаешь их, целуешь, в ладонях греешь.
Но, увы, воскресить не можешь.

Сны закончились. Не увидишь их на прилавках.
Всё идёт кувырком. Тошнота задавила Кафку.
Полетели годы, птицы и томагавки.
Берегись, а не то заденет!

Ты выходишь в закат с ораторией Баха в сердце.
Не успеv проснуться, проститься, даже одеться.
Только тень за тобой влачится длиною в детство.
Бесконечная, по идее.

*

Никаких измен, поэтому — сожалений.
Как ни двигай мир, всё будет без изменений:
голубое небо и жёлтое солнце, зелень
на земле, вот Блок на полке, а вот — Есенин.
Переспорь всё на свете, мир перепачкав сажей,
или молча прими и насладись пейзажем.

Время плавно плывёт, словно девушка в кринолине.
Это время HD, монументальность линий,
чёткость пикселей, замедленность положений —
понимаешь Его, как женщину (неужели?).
Я смотрю на тебя и целюсь, и сразу каюсь.
Тишину ловлю. И нежностью проникаюсь.

В это время на мир спустился десант снежинок:
мы просили Господа, к празднику напиши нам.
Это лучше нотаций по чистоте эмоций.
Я ликую: "Гендель!", ты отрезаешь: "Моцарт".
Тишина вырастает в радость, а радость — в трепет.
Наблюдаем, ребёнок счастлив, из снега лепит.
Недоволен жизнью, пожалуй, один лишь дворник.
На дворе декабрь. Вполне вероятно, вторник.

*

Приснилось сегодня, что дочь моя выросла,
а я всё та же, всё так же,
прячусь, как школьница, по подъездам,
грежу темноволосыми декабристами,
затеваю революцию против непомерно примерных,
огрызаюсь с родителями,
сплю до талого,
жалею-люблю себя.

Утро воскресенья.

В комнату врывается запах свежее испеченного.

Сладкие воскресные сны.

Это любовь моей матери.

Я до сих пор жду по утрам, когда запах повторится,
любовь вернётся.

По дому бродят голодные и холодные.

Я щурюсь на свет и хриплым голосом кричу:

оденьтесь и поешьте!

И вдруг явь становится до постыдного очевидной.

Сон размыт и уже через минуту изъят из памяти.

Переворачиваюсь на бок, но момент упущен.

Запаха не происходит.

Прибегает моя по-прежнему маленькая дочь.

Теперь мне нужно быть на виду, жить мирно,

ставить в пример примерных,

грезить мармеладными мишками и червячками,

служить образцом послушания,

быть ласковой с родителями

и строгой — к себе.

Я говорю: подожди, скоро я встану.

Невыносимо много говорю: подожди.

Она убегает в соседнюю комнату,

по пути дразнится: мама — соня.

Смеётся: мама — соня.

Воздух колышется от смеха,

трава — от ветра.

Это любовь моей дочери.

Когда-нибудь я непременно

найду слова и образы для выражения

своей любви,

робкой и порывистой,

как поцелуй после пощечины.

*

ты говоришь зовут тебя так-то
ты любишь эти вещи этих женщин
живёшь на такой-то улице
танцуешь такие-то танцы
и вообще ты такой-сякой
я молчу потому что знаю
что ты герцен моего сердца
ты изо дня в день ежесекундно издаёшь свой колокол внутри меня
через дымку воображения
я вижу предметы вибрирующие от твоего звука

ты говоришь а я тебя уже не слушаю даже
ты хочешь пахнуть словами
но я отдыхаю и продолжаю тебя не слушать
ты источаешь нечто большее чем слова
нечто большее чем ты сам
ты начинаешь пахнуть мной

мысли бегут истерично в панике умиротворения
птицы рисуют твоё лицо на куполах
я знаю что так и должно быть и должно было быть
и всё равно говорю
что зовут меня так-то
что я люблю эти вещи и этих мужчин
что живу на такой-то улице
рисую такие-то картины
и вообще я такая-разэтакая
но ты начинаешь отдыхать и меня не слушать
ты молчишь потому что знаешь достаточно
чтобы позволить себе это